

Среды. Очерки по теории солидарности: монография / А. И. Пигалев, Д. Ю. Сивков, А. И. Макаров и др. ; под общ. ред. А. И. Макарова, Ю. Ю. Ветютнева. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – 120 с. (Интеллектуальные среды).

Вышедшая в свет в декабре 2008 глда книга «Среды. Очерки по теории солидарности», была создана группой волгоградских исследователей (А. И. Пигалев, Д. Ю. Сивков, А. И. Макаров, Д. Р. Яворский, Ю. Ю. Ветютнев и Н. Н. Плужникова) вместе с французским ученым (О. Бренифье) и является попыткой если не синтеза, то продуктивного собирания в рамках единого текста целого ряда общеметодологических, философских, культурологических «теорий среды». Представленные разными авторами, иногда столь различные «траектории» мысли вместе с тем объединяет одно общее измерение; они направлены на преодоление «робинзонады» мыслящего разума как субъективного «одиночества», присущего современному мышлению. Делая акценты на распознании разнесённых во времени и в пространстве связей, скрепляющих разнородные элементы в культурное поле, авторы стремятся реализовать исследовательскую стратегию, которую они называют «средовым подходом».

В рефлексивном поле текста оказываются трудноуловимые, базовые условия, в которых делаются возможными или невозможными отношения человека с другими людьми, вещами и довлеющей на него реальностью. Сквозным мотивом, проходящим через всю монографию, является стремление осознать большую или меньшую подвижность граней, которые отделяют широко понимаемую человеческую компетенцию от несвободы внешних принуждающих связей, произвольных процессов, средовых автоматизмов. В каком-то смысле в книге решается вопрос о возможности или невозможности ментального рычага, с помощью которого средовое давление превращается из «враждебного» в «жизнеутверждающее» и «мироустроительное», становится более управляемым, податливым человеческой воле.

В первой главе «Управление реальностью и культура как среда солидарности», профессор А. И. Пигалев рассматривает целый комплекс проблем, связанных с явной или завуалированной иерархичностью среды; причем иерархичность с одной стороны увязывается с порядком и средовой регуляцией, с другой – с подавлением и скрытым насилием. Иерархии, трудноощутимые в силу их привычности, но порой весьма жесткие, обнаруживаются в духовном строе большинства мировоззренческих систем и типов социокультурных отношений, поэтому насущной задачей становится выработка таких мировоззренческих и социокультурных связей, в которых принуждение замещается качественно иными отношениями. В сравнительном анализе автор убедительно показывает, что в восточных и западных культурах складываются различные стратегии «управления реальностью» в качестве методов преодоления принуждающего гнёта среды: если в восточных психотехниках человек пытается нейтрализовать зависимость от «физического» мира, то в западной философии и науке субъект стремится технологически переделать физическую реальность в своих интересах.

Однако высшие цели, по мнению автора, при этом не достигаются, т. к. в первом случае давление иерархичной среды субъективно ослабевает лишь для маргинала-мудреца, во втором случае одна принуждающая иерархия сменяет другую. В социокультурном плане автор сравнивает факторы подчинения и контроля, возникающие в рамках человеческой «стадности» (примитивная социальность), кровно-родственных общин (восточное общество), объединений на основе экономического регулирования (западное общество) и территориальных сообществ. На этом фоне именно потенциал больших территориальных объединений, делающих неэффективными «жёсткие» связи родства и рынка, внушает некоторую надежду на складывание особых, наименее иерархичных взаимосвязей в мировоззрении, обществе и культуре.

Во второй главе «Иммунные границы среды» Д. Ю. Сивков в духе конструктивизма рассматривает человека как познающую живую систему, которая устанавливает благодаря своим различающим способностям границы между своим и чужим, внутренним и внешним, близким и далёким. Вместе с тем, в пределе каждая система стремится ассимилировать всю среду, превратив её в свой «дом», который должен быть по выражению Г. Башляра «счастливым пространством». Однако «расширение» сознания и его материальной инфраструктуры не является простым, ведь со сломом границ ментальных шаблонов в восприятии вторгаются часто «неперевариваемые» им чуждые явления, – разрушающие прежнюю конфигурацию связей информационные «вирусы».

Автор четко проблематизирует ситуацию конфликта внутри живой системы, оказывающейся между стремлением «одомашнить» всю жизненную среду и нежеланием принять неприемлемое, вследствие чего такая живая система окружает себя ограничительной мембраной. Однако, на наш взгляд, эта ситуация в тексте констатируется без четкого указания путей ее преодоления. Вместе с тем, концепция непрерывного обучения, интегрирующая в эти процессы факторы кризисов или даже катастроф как показателей дисфункциональности применяемых ментальных шаблонов и необходимости их преодоления, как раз подразумевает органичное увязывание трудностей обучения и ассимиляции реальности.

В третьей главе «Роль надындивидуальной памяти в процессе солидаризации» А. И. Макаров вскрывает культуротворческую роль надындивидуальной памяти, действующей в качестве солидиризирующих «полезных фикций» прошлого и будущего. Действительно, именно переживаемая, воображаемая и потому поддерживаемая в поведении причастность к каким-либо отношениям, явлениям, людям превращает человека в человека. Автор глубоко чувствует и воспроизводит связь между «коллективными галлюцинациями», мифической природой фантазмов коллективного сознания и подсознания и фактологической, событийной, феноменальной канвой культурной жизни. Вместе с тем без разъяснений остаётся вопрос о множественности способов репрезентации реальности, которая в незападных культурах может проявляться не только в зрительных образах, но и в без-образных представлениях, – оттого весьма интересное изложение представлений об образах как о своеобразном «социальном клее» отчасти приобретает черты схематизма

В четвертой главе ««Природа» как символ социокультурного единства» Д. Р. Яворский автор анализирует символическую основу социальных связей, показывая эволюцию символических форм, начиная с тотемизма. Главный интерес автора концентрируется на переходе от теоцентристской символики средневековья к натуралистическому символизму Нового времени. Автор отстаивает достаточно оригинальную точку зрения: данная трансформация культурных кодов на глубинном уровне функционирования среды культуры инициирована исчерпанием солидаристского потенциала богословских символов и актуализацией представлений об универсальной природе человека. Однако и последний тип символизма, по мнению автора, растрчивает пассионарные импульсы, переживает серьёзный кризис, поэтому в культуре происходит интуитивный поиск новых, более адекватных символов солидарности. На наш взгляд подобное восприятие истории как коллективного обучения требует не только проделанной автором глубокой историко-культурной проработки, но и более специальных методологических акцентов.

В пятой главе «Право как «Машина солидарности»» Ю. Ю. Ветютнев приводит яркий пример оригинальной интерпретации права как изобретенного людьми инструмента солидаризации, в полной мере использующего ресурсы магико-мифологических (т. е. не всегда подкрепляемых в действительном функционировании государства) «заклинаний» реальности. Согласно авторской позиции, нормы права «набрасываются» на реальность в виде своеобразной координатной сетки шаблонов, клише, трафаретов; причем доминирующим мотивом становится конституирование общности, члены которой обладают высоким потенциалом солидарности, а граница отделяет эту солидарную среду от иного или даже относительно чуждого пространства. Все жизненные процессы должны быть вписаны в «пазы» металлических трафаретов юридической нормы; все выходящее за рамки этих «пазов» находится под угрозой применения правоприменительных санкций, которые могут вовсе и не последовать или последуют только в крайнем случае «вопиющего» нарушения этих ментальных «рамок». Однако на статистически вероятностном уровне это угрожающее действие юридического заклинания с возможностью частичного выполнения объявленных санкций осуществляет важнейшую функцию базовой интеграции индивидов в единую общность.

В шестой главе «Тело и среда управления» Н. Н. Плужникова обыгрывает тему сред как тел (в т. ч. социальных), рассматриваемых с самых разных позиций. Исходя из этого тело-среда, по мнению автора, может рассматриваться не только как воплощение, проявление и «вместилище» определённого содержания отношений («духа»), но и как внешняя форма без содержания; как форма, которая порождает и притягивает вполне определённые содержания, качества, связи, т.е. на первый план выходит проблема управленческого воздействия сознательных факторов на тело и управленческого влияния тела на сознание. Данная проблема рассматривается автором с самых неожиданных ракурсов, что приводит к интересной точке зрения о совпадении телесности и разумности, к стиранию границы между телом и разумом, преодолению устоявшегося представления о дуализме материального и духовного.

В седьмой главе «Индивид в речевой среде» О. Бренифье анализирует противоречивость речевой среды человека, которая, с одной стороны, «заражена» огромным количеством штампов, шаблонов, с другой стороны через речевые конфликты и самоотверженную речевую кооперацию человек получает шанс к обретению ясных состояний и отношений подлинной солидарности.

Таким образом, данная работа разворачивает перед читателем пеструю картину средовых отношений, продуктивно отвечает на многие вопросы и рождает много новых, а значит, в философском смысле проект «Среды. Очерки по теории солидарности» можно считать достойным вниманием достаточно взыскательной читательской аудитории.

Д. В. Евдокимцев

кандидат философских наук,

доцент кафедры философии и культурологии
Волгоградской академии государственной службы